

вестью «О рождении и похищении царя Соломона».⁴¹ Важно отметить, что повесть эта, сопровождаемая «Повестью об увозе Соломоновой жены царем Пором» в редакции *Б* (во второй редакции), заметно отличается от той повести, которая находится в цикле с текстом редакции *А* (т. е. первой редакции), причем характер изменений полностью соответствует принципам переделки текста «Повести об увозе Соломоновой жены» в редакции *Б*.

Не исключена возможность, что перу создателя редакции *Б* принадлежит обработка всего цикла, созданного автором редакции *А*, но этот вопрос сейчас может быть только поставлен, он нуждается в дальнейшем исследовании.

* * *

Таким образом, изучение очень сложных взаимоотношений повестей цикла «Царь Соломон и похищение его жены» и всех их сохранившихся рукописных текстов убеждает в интенсивности литературной жизни этого сюжета на Руси и на славянском юге: наряду с очевидной линией развития сюжета — от «Кипрской» повести к «Поровской» — мы отмечаем многообразие пересечения текстов в различных списках:

1) вторичные влияния повестей друг на друга (несомненно влияние «Китоврасовской» повести на «Поровскую», особенно при создании редакции *Б*);

2) контаминации текстов (неожиданная замена эпизода казни в «Кипрской» повести или «Поровской» соответствующим эпизодом из «Китоврасовской». Это происходит в списке «Кипрской» повести *Br*₂₄₀₆ и списках редакции *А* «Поровской» повести *Ф* и *T*₇₄₈₃).

Исследование повести значительно усложняется многочисленными фольклорными наслоениями. Несомненно, что повести бытовали и в устной форме, о чем свидетельствуют некоторые записи сказок и былин о Соломоне.⁴² Списки *Ш*₂₅₂, *С*₁₅ вообще имеют характер записи устного рассказа.

Первичный, по-видимому эпический, сюжет похищения жены и борьбы за нее, имевший распространение в средневековой словесности разных народов,⁴³ затем приобретает книжное оформление, связывается с именем Соломона и получает книжную мотивировку для дальнейшего своего развития: похищение жены у него рассматривается как месть за его «похищения», а впоследствии вновь возвращается в устную стихию.

Рассматривая различные варианты обработки сюжета и текстов повести в русской письменности XVII—XVIII вв., можно составить представление о специфических чертах русских обработок сюжета мировой средневековой литературы.⁴⁴

⁴¹ Отметим, что Повесть о рождении царя Соломона существует и вне цикла. См., например: ГПБ, собр. Погодина, № 1612, лл. 154—155; ГБЛ, Музейное собр., № 607, лл. 613—617.

⁴² См.: Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 206—211; Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Пгр., 1915, стр. 203—206; А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок. Пгр., 1917, стр. 282—285; М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, стр. 99—108; А. И. Худяков. Великорусские сказки, вып. II. М., 1861, стр. 133—138 (здесь рассказ об увозе Соломоновой жены помещается как продолжение сказки о детстве Соломона; заметим, что нам неизвестны сказки о похищении Соломоновой жены без первой части — детства Соломона. Былины же рассказывают только об увозе жены царя Соломона. См.: А. М. Астахова. Былины Севера. М.—Л., 1951, №№ 103, 112, 144 и др.).

⁴³ См. обзор средневековых сказаний о похищении жены героя в работе: Веселовский. Новые данные, стр. 78—88.

⁴⁴ Эта работа велась под руководством доцента ЛГУ Н. С. Демковой. Пользуясь случаем принести ей сердечную благодарность.